

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО АРМАВИРА

Член-корр. АН Арм. ССР Б. Н. АРАКЕЛЯН

Городище Древний Армавир находится в Араратской долине, пролегающей между горными массивами Арарата и Арагаца. С юга долины возвышается величественная снежная вершина библейского исполина, а с севера обширная громада четырехглавого Арагаца.

В западной части Араратской долины, на левом берегу р. Аракс, рядом с селениями Армавир и Айкаван, над равниной возвышается вулканический конус Армавирского холма, высотой 76 м. Некогда р. Аракс протекала почти у подножья холма, а в дальнейшем отошла от него на юг, километров на 6—7. Старое, покрытое песками и гравием русло реки хорошо прослеживается, и местным населением именуется Сухой Аракс.

Араратская долина и Армавирский холм были обжиты издревле. Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении», рассказывая о расселении потомков легендарного прародителя армян Хайка (hАйка), сообщает, что его сын Арменак «со своими ближними и людьми» обитает в Араратской долине. «Арменак, взяв все множество (своих) отправляется на северо-восток, останавливается в глубокой равнине, окруженной высоковершинными горами, по которой с запада протекают журчащие реки... Арменак, поселившись в глубине этой поляны, обстраивает часть ее на северной стороне...»¹. Далее историк пишет: «Этот Арменак, прожив несколько лет, родит Араманса и умирает после многих лет жизни. Сын его, Араманс, строит себе жилище на бугре [возвышающемся] на берегу реки и по имени своему называет его Армавиром, а реке дает название Ерасх² по имени внука своего Араста»³.

Эти и последующие сообщения Хоренаци об Армавире, имеющие легендарно-мифический характер, восходят к древнейшим временам и отражают факт основания Армавира в незапамятные времена и длительного существования этого важного городского центра.

У Хоренаци мы черпаем также сведения об Армавире древнего периода, когда этот город стал столицей царства династии Еруандуни и являлся также крупным культовым центром. У подножья холма издревле находилась священная платановая роща, которой был посвящен сын одного из дальних правнуков Хайка — сын Ара Прекрасного Анушаван, и жрецы занимались вещанием по шелесту листьев деревьев⁴.

¹ «История Армении Моисея Хоренского», новый перевод П. О. Эмша, М., 1893, кн. I, гл. 12.

² Ерасх — древнее название Аракса.

³ Мовсес Хоренаци, кн. I, гл. 12.

⁴ См. там же, кн. I, гл. 20.

В дальнейшем царь Вахаршак, сообщает Хоренаци, на холме возвел «храмы Арегаку и Лусину» — Солнцу и Луне, — в которых были поставлены скульптурные изображения этих божеств, а также предков царей⁵. При царе Арташесе местные идолы Солнца и Луны или бога Тира и богини Анаит были заменены скульптурами Аполлона и Артемиды, привезенными из Малой Азии⁶.

Из античных авторов только Птолемей упоминает Армавир, называя его Армаурия (*Ἀρμαυρία*)⁷.

Последний представитель династии Еруандуни — Еруанд в конце III в. до н. э. вынужден был оставить свою резиденцию и переехать во вновь основанный город Еруандашат. Арташес I (189—160), основоположник новой царской династии Арташесидов, также не долго оставался в Армавире и основал новую столицу Арташат, на левом берегу р. Аракс, у северного подножья горы Арарат. После этого Армавир потерял прежнее значение и славу, постепенно захирел и погас.

В середине IV в. Армавир упоминается как оставленная столица, где находились царские закрома зерна⁸. Через сто лет, в середине V в., Армавир упоминается (как крепость) в связи с его разрушением⁹. Нить жизни некогда цветущей столицы обрывается навсегда, а Армавирский холм надолго становится безмолвным хранителем ее памяти. Незначительные следы жизни на Армавирском холме наблюдаются и в средние века, однако видно, что здесь приютились временные жители, которые для жилья использовали развалины древних зданий и их камни. В позднее средневековье на холме из старых камней возводится часовня, следы которой были видны до 40-х годов нашего века.

Армавирский холм с остатком древнего города издавна привлекал внимание путешественников, любителей старины и ученых. Английские путешественники Уильям Аузлей и Роберт Кер Портер, посетившие Армению в 1812 и 1817—1819 гг., перепутали местоположение Армавира с Кара-калой, находящейся не очень далеко от Армавира, но на правом берегу реки Аракс. Дюбуа де Монперё в 30-х гг. XIX в. посетил Армавир и на холме увидел остатки стен цитадели; отсутствие следов городских кварталов на равнине он объяснял тем, что постройки города были преимущественно глинобитными¹⁰. Французский ориенталист Сен-Мартен, живо интересующийся вопросами арменоведения, еще в 1831 г. указал на необходимость раскопок Армавира.

Эчмиадзинский епископ Иоанн Шахатунянц в своей книге, изданной в 1842 г., сообщает, что древняя столица Армении — Армавир давно необитаема и следы дворцовых сооружений, упомянутых Мовсесом Хоренаци, исчезли. Видны только фундаменты отдельных зданий у подножья

⁵ См. там же, кн. II, гл. 8.

⁶ См. там же, кн. II, гл. 12.

⁷ См. Ptol., *Geographia*, V, 13.

⁸ См. Мовсес Хоренаци, кн. III, гл. 31—32.

⁹ См. Егише. О Вардане и армянской войне, Ереван, 1957, стр. 79.

¹⁰ См. F. Dubois Montpéroux, *Voyage...*, III, стр. 418—419.

холма и кое-где на холме, а на его вершине находится башневидное сооружение высотой в восемь локтей, возведенное из базальтовых камней, скрепленных известью¹¹.

Сто лет тому назад, в 1869 г., в Армавире была найдена клинообразная надпись урартского царя Аргишти, сына Менуа, которая была опубликована Месропом Смбатянцом, неутомимым собирателем урартских надписей. Стало ясно, что древнейший период истории города связан с Урарту и что тогда Армавир именовался Аргиштихинили.

В 1880 г. в связи с подготовкой V всероссийского археологического съезда, созванного в 1881 г. в Тбилиси, были предприняты разведочные раскопки Армавира (А. Д. Ерицовым и А. С. Уваровым). Однако как добытый раскопками археологический материал, так и остатки стен цитадели города не были правильно интерпретированы, и А. С. Уваров выдвинул предположение, что здесь находятся развалины не древнего Армавира, а какой-нибудь крепости IV в. н. э.¹²

В 1888 г. Армавирский холм посетил английский арменовед Конибир, который сообщает, что крестьяне разрыли стены этой древнеармянской цитадели (сложенные из хорошо отесанных больших камней без известкового раствора), используя камни для своих нужд, и что это уже запрещено. На вершине холма Конибир увидел еще не разрушенные остатки стен цитадели протяженностью около ста локтей (ярдов).

Армавир давно стал местом добычи хорошо отесанного готового камня. Вышеупомянутый епископ Шахатуняц пишет, что персидский правитель ереванского ханства Гусейн Кули-хан разрушил армавирские сооружения и отесанные базальтовые блоки увез для ворот строящейся им (в 1819 г.) Сардарабадской крепости. Здесь, в Сардарабаде, и была найдена строительная надпись Аргиштихинили, которая гласит: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Величественную крепость я построил, установил (для нее) имя — Аргиштихинили. Земля была пустынной; ничего там не было построено; я от реки четыре канала провел, виноградники и фруктовый сад разбил, подвиги я там совершил. Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Бнайнили, правитель Тушпа-города»¹³.

Из летописи царя Аргишти известно, что Аргиштихинили основан в одиннадцатом году его правления, т. е. в 776 г., а из найденных в Армавире клинообразных надписей, число которых доходит до 15, явствует, что этот урартский город продолжал существовать до времен царствования Русы, сына Эрмении, т. е. до начала VI в. до н. э. Надписи свидетельствуют об интенсивной строительной деятельности урартов в этом центре их северных владений. Царь Аргишти провел пять каналов из

¹¹ См. Иоанн Шахатуняц. Описание Эчмиадзинского кафедрала и пяти уездов Арарата, Эчмиадзин, 1842 (на арм. яз.), стр. 31.

¹² См. А. С. Уваров. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Протоколы подготовительного комитета и археологического съезда в Тифлисе, 1882, стр. 439—449.

¹³ Г. А. Мелликишили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, стр. 263.

реки Аракс, и благодаря созданной оросительной сети Араратская равнина превратилась в житницу, где кроме хлебных злаков возделывались виноградники, фруктовые сады и масличные культуры.

Небольшие раскопки разведочного характера были произведены в Армавире в 1892 г. Н. Я. Марром¹⁴.

Позднее были обнаружены также некоторые памятники, относящиеся к жизни Армавира времен царских династий Еруандуни и Арташесидов. Среди этих находок особую научную ценность представляют греческие надписи. В 1911 г. стали известны три греческие надписи, вырезанные на одном камне, а в 1927 г. был найден второй камень с четырьмя греческими надписями. Это и является основным результатом совместной археологической экспедиции Кавказского историко-археологического института (Тбилиси) и Комитета по охране древностей Армении. К сожалению, раскопки тогда не были проведены, и экспедиция, возглавляемая С. В. Тер-Аветисяном, ограничилась обследованием холма (причем был обнаружен камень с надписями) и составлением его генерального топографического плана¹⁵.

Найденные греческие надписи свидетельствуют о некоторых моментах социально-политической и культово-идеологической жизни страны, хотя фрагментарно, порой даже загадочно¹⁶.

Из территории Армавира происходят также некоторые предметы античного времени: печать с изображением всадника, четыре золотых медальона с масками трагиков (по мнению проф. Г. Гояна) и другие предметы¹⁷.

Предпринимая раскопки Армавира, археологическая экспедиция Института археологии Академии наук Армянской ССР в 1962 г. имела достаточно четкое представление как об исследуемом объекте, так и о преследуемых целях и задачах.

Прежде всего следует отметить, что в археологическом изучении Армении существовал большой пробел, охватывающий девять столетий — с момента падения Урарту до IV в. н. э., т. е. до зари феодального общества и зарождения раннехристианской культуры в Армении. Раскопки в древнеармянской крепости Гарни заметно восполнили этот пробел относительно I—III вв. н. э., а культура VI—I вв. до н. э. так и продолжала оставаться под густым покрывалом неизвестности. Раскопки Арма-

¹⁴ См. «Отчеты Археологической комиссии за 1892 г.», стр. 84.

¹⁵ См. «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», 1928, № 1—3, стр. 19—20 и № 4, стр. 15. С. Тер-Акопян. Армавирская вторая новонайденная надпись. «Труды Института истории культуры Арм. ССР», т. I, Ереван, 1935 (на арм. яз.), стр. 145—150. С. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости «древний Армавир», см. «Научный сборник, посвященный 20-летию установления Советской власти в Армении», Ереван, 1941, стр. 51—64.

¹⁶ См. А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира. «Известия Арм. филиала АН СССР», 1942, № 1—2, стр. 35—61; Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946; К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 104—156.

¹⁷ См. С. Тер-Акопян. Указ. статья.

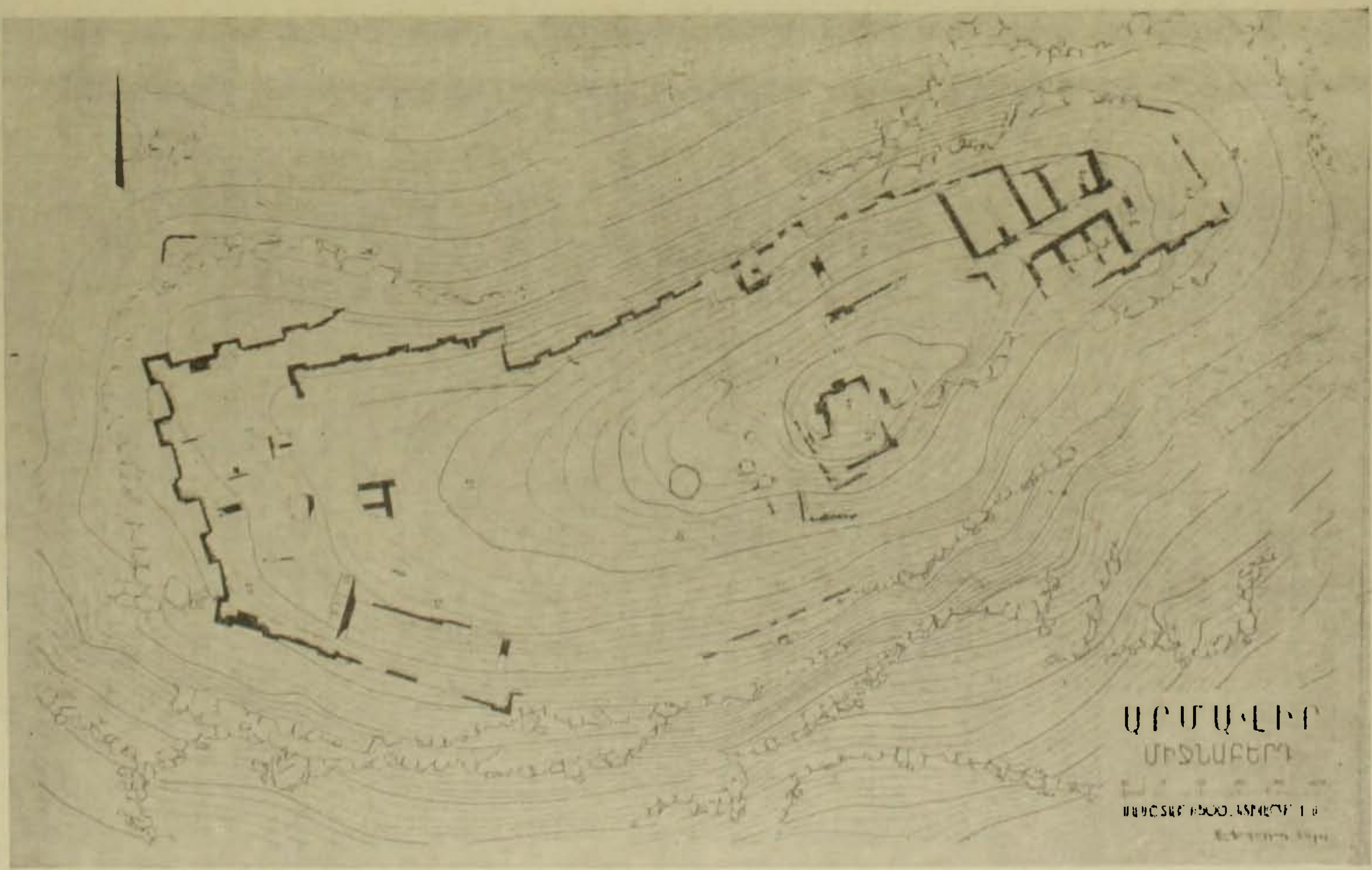

Рис. 1.

вира должны были поднять края этого покрывала. А может быть, Армавир, как городской центр, продолжал существовать и после падения Урарту, в важнейший в истории страны период, когда зародилась армянская государственность (VI в. до н. э.) и завершился процесс этнического образования армянского народа (VI—IV вв.)?

Казалось, что археологическое изучение Армавира способно помочь археологам хотя бы частично выяснить процесс формирования раннеармянской культуры VI—IV вв. до н. э. и вопрос о значении урартского культурного наследия. Какие экономические и культурные связи имела Армения в период, когда она политически входила в состав державы Ахеменидов? Возможно, раскопки Армавира помогут изучению вопросов о путях культурного перехода Армении от раннеармянского, или ахеменидского времени к эллинизму? Каков был облик и уровень развития материальной культуры Армении в эллинистическую эпоху?

Дать более или менее убедительный ответ на эти вопросы на основании археологического изучения только Армавира, разумеется, невозможно, тем более, что Армавир захирел постепенно и был брошен, следовательно, оттуда было увезено все ценное. Однако то, что уже дали раскопки древнего города, внушает уверенность, что наши надежды оправдаются, что они заметно восполнят пробел в изучении культуры Армении VI—I вв., позволят судить о ее характере и уровне развития и подойти к решению ряда важных культурно-исторических вопросов того времени.

Раскопки 1962 г. и последующих лет были сосредоточены в основном в цитадели города, расположенной на вершине холма и занимающей около двух гектаров площади. Археологическая территория, включающая холм с его подножьем, со всех сторон окаймленная оросительными арыками, занимает 60 гектаров площади, на поверхности которой повсюду встречаются керамические черепки. Разведочными раскопками, произведенными как на западном отроге холма вне пределов цитадели, так и у подножья холма в его северной, северо-западной, западной, юго-восточной сторонах, были выявлены, в частности, керамические черепки урартского времени и VI—I вв., с преобладанием последних. На южном и северо-восточном склонах холма, а также у его подножья с западной стороны были обнаружены остатки более ранней культуры и погребения времен поздней бронзы и раннего железа, т. е. конца II тысячелетия и начала I тысячелетия до н. э. с характерным для этого времени инвентарем (бронзовые изделия, керамика.)

Обследование подступов холма показало наличие керамических черепков эллинистического времени в пашнях по всем направлениям, особенно южнее, юго-западнее и западнее холма. Следы керамики на восточном и юго-восточном направлениях доходят до старого русла реки Аракс; на южном направлении — до небольшой возвышенности в отдалении от холма 600—700 м, где была обнаружена расписная керамика III—I вв. и верхний камень зернотерки эллинистического времени с характерным выемом для рычага. На юго-западном и западном направле-

ниях керамические черепки III—I вв. встречаются повсюду на пашнях и виноградниках, простирающихся на расстоянии более одного километра от холма. Керамика эллинистического времени была обнаружена также в шурфах, заложенных на пашнях западнее и севернее холма. При этом керамические черепки встречались на глубине до 0,80—1,40 м.

Все эти наблюдения позволяют предполагать, что город Армавир в эллинистическое время разросся и занимал площадь более 150 гектаров.

Остатки расписной керамики были обнаружены также у восточного конца норармавирской гряды холмов вблизи излучины действующего оросительного канала, протекающего у селения Джрашат. На полях, пролегающих между указанной местностью у канала и западной полосой, куда доходят следы кварталов города Армавира, керамические черепки и другие культурные следы не замечены. Это обстоятельство наводит на мысль, что у восточного конца норармавирских холмов в древности мог находиться один из агараков, окружающих богатый город.

Раскопками открыты фундаменты крепостной стены цитадели на протяжении более 500 м с 39 контрфорсами (рис. 1—4). В восточной части цитадели, возведенной на холме, открыты фундаменты двух зданий; одно из них, длиной 25 м, состояло из трех помещений и, вероятно, было жилым зданием, а другое, длиной 41 м и шириной 19 м, состояло из пяти помещений и, судя по обнаруженным в нем 13 урартским карасам, имело хозяйственное назначение. На борту одного из карасов клинописью и иероглифами была отмечена его емкость—пять акарки, т. е. около 1200 л. Позднее верхние части уже разбитых карасов были срезаны, пол выровнен, и здание использовалось вторично в раннеармянское время (VI—IV вв.) и в эллинистическую эпоху (III—I вв.), о чем свидетельствуют найденные здесь керамические черепки. В другом помещении этого здания также на полу эллинистического времени были разложены каменные ядра от катапульты.

Комплекс больших зданий, возведенных в урартское время и использованных также позднее, открывается и в западной части цитадели, но об их характере судить пока рано.

На самой высокой точке холма имеются развалины монументального здания, назначение которого еще не выяснено, но заметно, что оно было использовано в различные времена, даже в средние века.

Наблюдения показывают, что как крепостная стена цитадели, так и вышеуказанные здания, возведенные в урартское время, функционировали и позднее, претерпев соответствующие видоизменения. Оборонительная система крепости в западной ее части была укреплена дополнительной стеной и угловой круглой башней, возведенной несколько дальше, на склоне холма. При этом применена совершенно иная техника кладки. Каменные квадры стали меньше размерами и скреплены друг с другом деревянными и металлическими скрепами характерной формы—в виде ласточкина хвоста на обоих концах (рис. 5). Точно такая кладка эллинистической эпохи появляется также при перестройке здания на вершине холма.

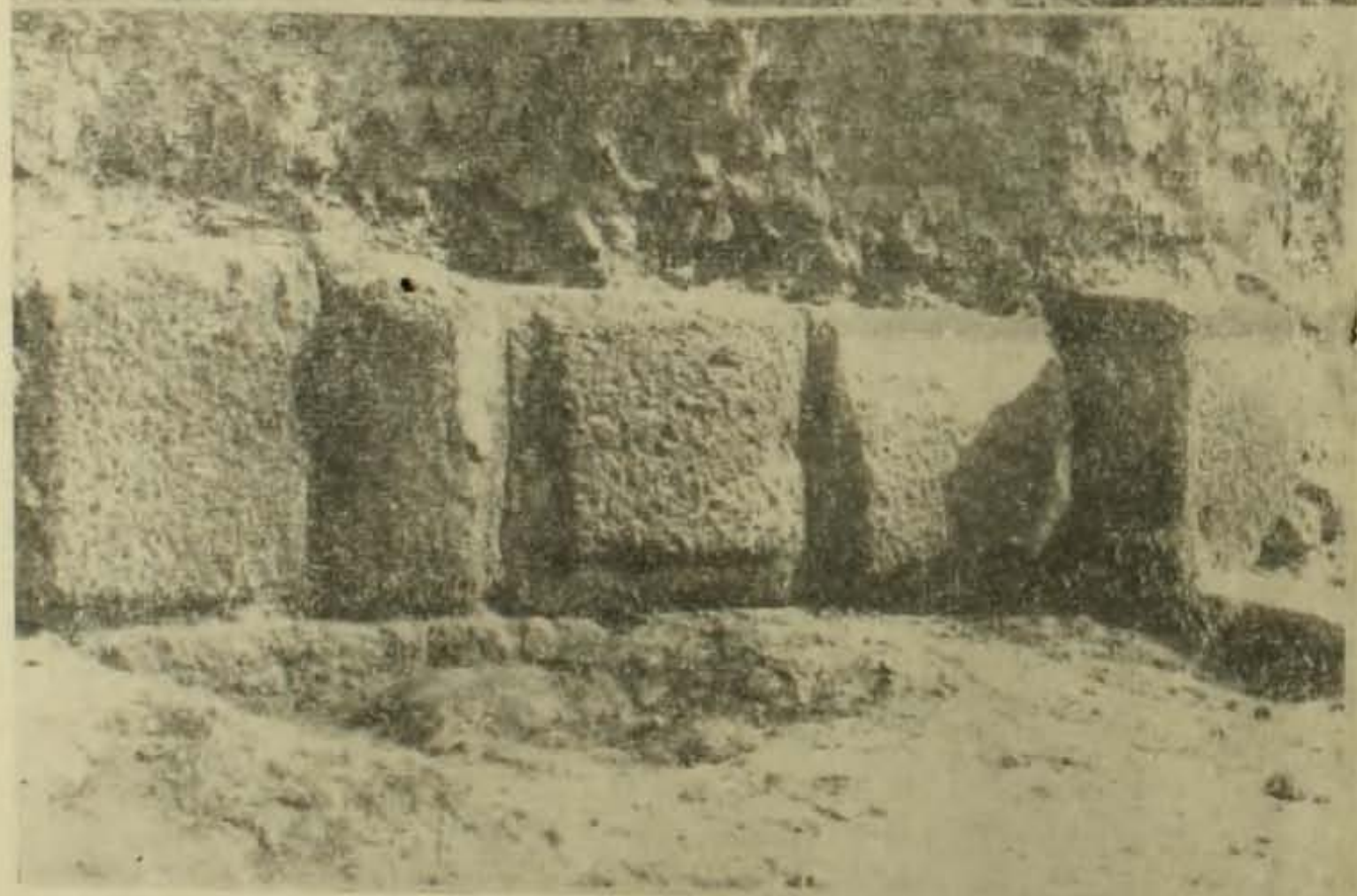

Рис. 2, 3, 4.

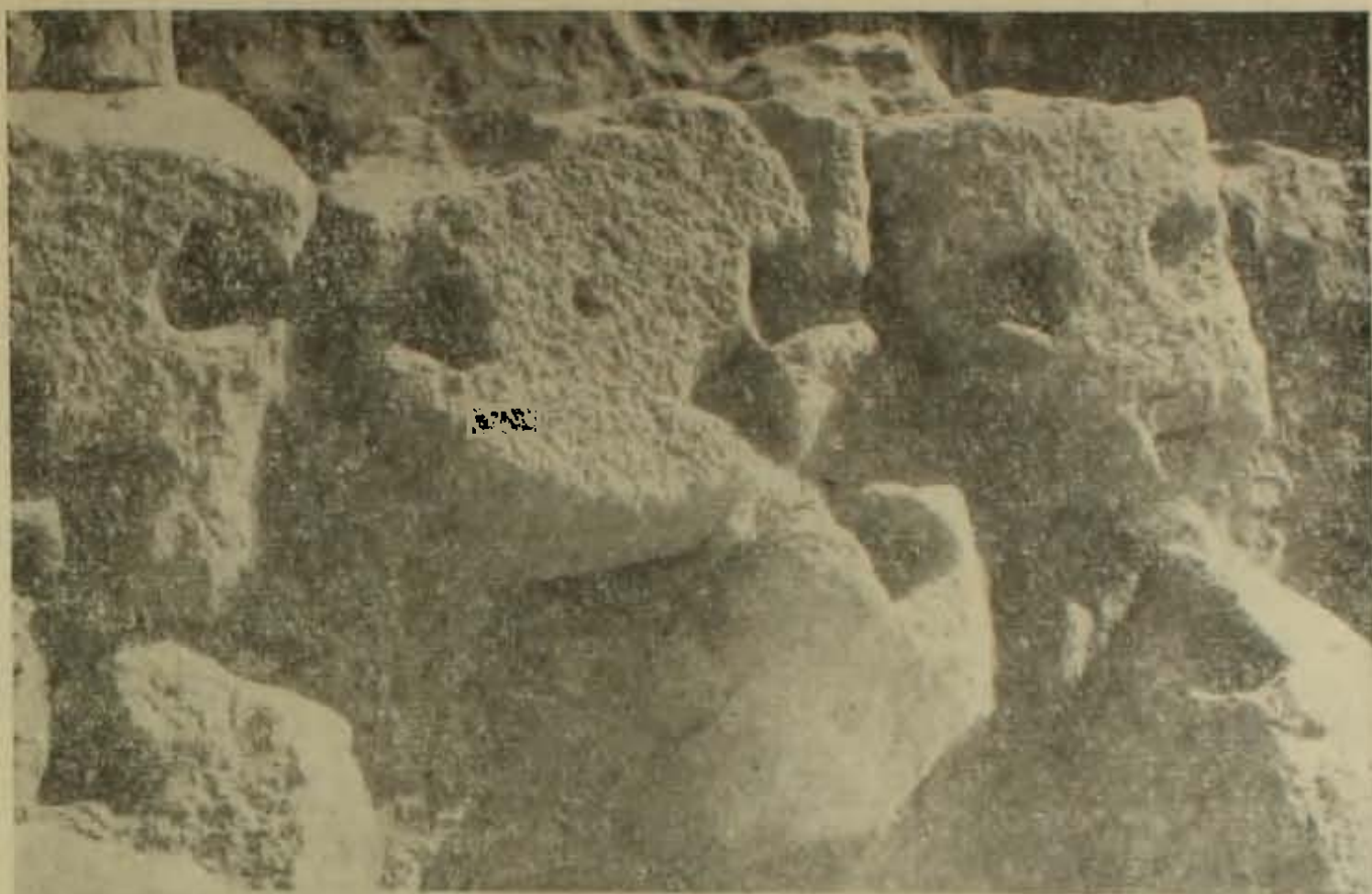

Рис 5, 6, 7.

Раскопками и наблюдениями в Армавире установлено, что кладка с применением металлических и иных скрепов для соединения камней появляется в Армении только в эллинистическую эпоху; следовательно, нет никакого основания предполагать наличие такой кладки еще в урартские времена.

Что касается рустовки камней, при которой по их краям выводится низкая полоса, а вся средняя часть выступает вперед, то в этом прав был не А. С. Уваров, относивший это явление к поздним временам¹⁸, а М. В. Никольский, который, справедливо отвергнув положение Уварова и его датировку остатков стен Армавирской цитадели, указывал, в частности, на то, что рустовка характерна для армавирских камней, на которых высечены урартские надписи¹⁹.

В эпоху эллинизма совершенствуются также формы баз из-под колонн. На территории городища и в соседних селах Хайкаван и Армавир экспедицией учтены более двух десятков баз урартского времени и III—I вв. до н. э. (образцы см. рис. 6, 7), показывающих наличие в Армавире зданий с колоннами обеих этих эпох. Среди строительных камней имеются базальтовые квадраты кладки, исключительно хорошей тески и с полированной поверхностью. На них имеются гнезда для металлических скрепов, но они выдолблены небрежно, и трудно судить, к урартской или эллинистической эпохе относятся эти камни. При раскопках, естественно, обнаруживается материал различных эпох.

Добытый археологический материал VI—IV вв., с одной стороны, отражает традиции культур Урарту и местных армянских племен, с другой — выявляет связи с культурой стран, вошедших в состав державы Ахеменидов, особенно западной ее части, начиная с северо-западного Ирана до берегов Средиземного моря и Египта.

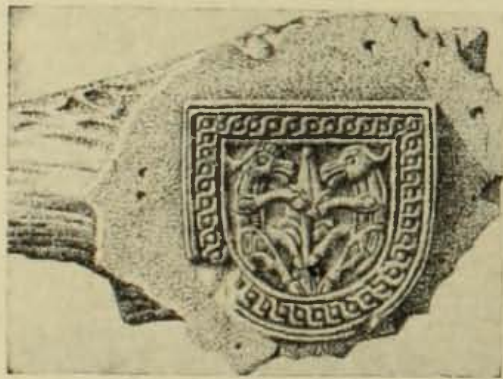

Рис. 8.

Между первым и вторым контрфорсами С-З угла цитадели в урартское время был устроен винный погреб. В эллинистическую эпоху верхние части карасов были срезаны, пол выровнен, и помещение было превращено в кузницу. Из-под пола кузницы найден ряд предметов урартского времени. В одном случае резная кость с вырезанным на основании оленьего рога геральдическим сюжетом (древо жизни), с обеих сторон которого стоят стилизованные козы (рис. 8). Аналогичный сюжет известен из Гасанлу²⁰, Марлика²¹, Зи-

¹⁸ См. А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 443—444.

¹⁹ См. М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по археологии Кавказа, т. V, 1896, стр. 57.

²⁰ См. E. Porada. Alt Iran. Die Kunst in vorislamische Zeit, Baden-Baden, 1962, стр. 113—114.

²¹ См. „Trésor de l'ancien Iran“, Genève, 1966, pl. 19.

вие²² и других пунктов северо-западного Ирана²³ и характерен для Манейско-мидийского искусства²⁴. Заслуживает внимания факт бытования этого сюжета также в Восточной Анатолии²⁵. Таким образом, Урарту как бы является связующим звеном между северо-западным Ираном и Восточной Анатолией.

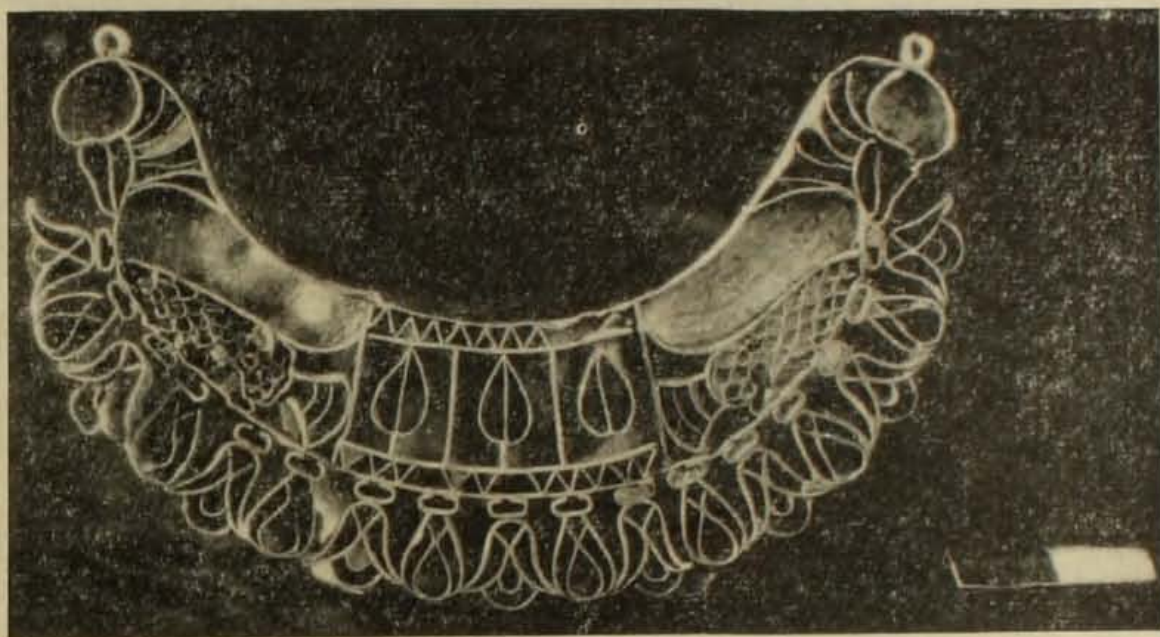

Рис. 9.

Черты переднеазиатского искусства наблюдаются также на золотом нагрудном украшении (пектораль), найденном в Армавире (рис. 9). По общим начертаниям оно восходит к урартским образцам, выгравированным на груди бронзовых статуэток из Топрак-калы (около Вана) и к бронзовому нагруднику из урартского колумбария возле Эребунни, украшенному точечным орнаментом²⁶, напоминает великолепную золотую пектораль из Зивие, на которой встречается также вышеуказанная сцена коз по обеим сторонам древа жизни. Однако Армавирская пектораль отличается от тех и других, как по технике отделки, так и по деталям рисунка. Она изготовлена перегородочной техникой, а ячейки между перегородками были заполнены черными камнями и голубой пастой, придававшими ей особую изящность. На обоих ее концах помещены фигуры птиц, на средней полосе—схематизированные древа жизни (между узкими полосами с треугольниками), а нижняя полоса украшена чередующимися цветочками и бутонами лотоса, как на венчике серебряного ротопа V в. из Ерзинкяна, хранящемся в Британском музее. Армавирская пектораль моложе аналогичных урартских украшений, а

²² См. A. Godard. Le trésor de Ziwiye, Haarlem, 1950; R. Ghirshman. Iran.

²³ См. E. Porada. Указ. соч., стр. 124.

²⁴ См. И. М. Дьяконов. История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 404—406.

²⁵ См. Bittel Kurt (Archäologischer Anzeiger, 1939, стр. 136, Abb. 22).

²⁶ См. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 244, табл. XXIV.

также пекторали из Зивне и может быть датирована VI—V вв. Справедливо указывается, что по технике отделки и по деталям орнаментации она сближается с ахеменидскими ювелирными изделиями²⁷. По перегородчатой технике и инкрустации она восходит к местным изделиям Армении эпохи бронзы и раннего железа, и потому не без основания отмечается возможность ее местного происхождения, что подтверждается и спектральным анализом, показывающим, что Армавирская пектораль изготовлена из золота Зодского рудника, расположенного на восточном берегу озера Севан.

В тех же хронологических рамках помещаются и отпечатки печатей (буллы) из Армавира с изображениями зверей, также характерных для искусства Передней Азии этого времени (рис. 10).

Рис. 10.

В числе археологических материалов, добытых раскопками Армавира, наиболее богато представлена керамика. Она разнообразна как по назначению изделий, так и по формам сосудов и по способам их отделки.

Прежде всего следует отметить, что часть керамики относится к урартскому времени. Обнаружены чаши-пиалы, светильники (рис. 11), кувшины характерной для Урарту формы и отделки, карасы и другие образцы, хорошо известные из раскопок урартских городов-крепостей Тейшебаини, Эребуни, особенно из раскопок Нового Армавира, находящегося в 4—5 километрах к западу от Армавирского холма.

Раскопки древнего Армавира, а также Нового Армавира показывают, что к концу VII в. и в начале VI в. урартская керамика становится гораздо разнообразней как по виду керамики, так и особенно по качеству и отделке; наблюдается применение разноцветных ангобов или обмазки более тонким слоем, порой слабо лощенным. Ангобирование толстым слоем ярко-красного или вишневого цвета, столь характерное для более ранней урартской керамики, почти исчезает. Эти изменения в гончарном производстве позднеурартского времени весьма важны и потому, что они в значительной мере были унаследованы в керамическом производстве Армавира послеурартского времени. Керамические изделия VI—IV вв. часто повторяют формы и отделку урартских образцов, но вместе с тем происходит видоизменение форм и деталей изделий, появляются новые приемы и особенности в отделке керамики, заметно утончается черепок чаш-пиал, а также появляются новые виды керамических изделий. Отметим, например, появление расписных крестов и пояс (табл. I, рис. 1, 2; табл. III, рис. 1) в чашах-пиалах, сходных с урартскими, производство алабастров местного типа (табл. I, рис. 3) с росписью белой краской, идущей с берегов Средиземного моря (куда она дошла с островов Эгейского моря), применение полихромной росписи и пр.

²⁷ См. Г. А. Ти р а ц я н. Золотая пектораль из Армавира (Армения), «Советская археология», 1968, № 4, стр. 190—197.

Т а б л и ц а I

Таблица II

Таблица III

Таблица IV

В керамическом производстве как раннеармянского, или ахеменидского времени, так и особенно эллинистической эпохи заметное место занимает расписная керамика, которая не только восстанавливает и развивает древние местные традиции производства расписной керамики, но и обогащается новыми приемами и орнаментальными мотивами, идущими с Ионического побережья Средиземного моря, из Малой Азии, Фригии и Лидии. Она имеет свои параллели также в Иране и в Закавказье. Наряду с применением художественной геометрической росписи повышается качество керамики, она становится более разнообразной.

Расписная керамика Армении VI—I вв. с ее самобытными в целом формами и рисунками значительное явление в материальной культуре древней Армении, в частности III—I вв., к какому времени относится ее основная часть. Она богата и разнообразна также по назначению. При раскопках обнаружены расписные чаши-пиалы, кубки, большие сосуды с коротким и широким носом для слива жидкости (табл. I, рис. 4; табл. III, рис. 2), кувшинчики, большая тарелка с полихромной росписью (табл. II, рис. 1), фляги с концентрическими поясами с обеих сторон (табл. III, рис. 2), ойнахи, расписной кратер с двумя ручками и на раструбчатой ножке и множество фрагментов (табл. IV). Среди ранних образцов имеется и полихромная роспись на светлом или розовом фоне (табл. III, рис. 3—5). В дальнейшем, т. е. в эллинистическую эпоху, светлый фон и полихромная роспись встречаются реже, а обычным становится красный или розовый фон с темно-красной или коричневой росписью.

Среди керамических изделий встречаются также ритоны, имевшие довольно широкое распространение в Передней Азии во II—I тысячелетиях до н. э., особенно в Иране и в Анатолии. Ритон урартского времени найден при раскопках Эребуни. В пределах царства Ахеменидов ритоны изготавливались в основном из драгоценных металлов, но встречается немало и глиняных ритонов. В Армавире найдены только протомы от ритонов. Одна из них, изображающая голову барана (овна), относится к ахеменидскому времени и может быть датирована V—IV вв. (рис. 12). На ее чернолощеной поверхности имеется и графический орнамент в виде треугольников. Протома второго ритона (аска?) изображает медвеженка (рис. 19), его черепок темный, слегка лощенный. Протома третьего ритона с краснолощеном черепком изображает голову быка (рис. 14). Ритон из красноватой глины найден также в Демавенде в парфянском погребении и датируется монетой Митридата II (123—88)²⁸. Художественные формы и особенности отделки позволяют второй и третий армавирские ритоны датировать III—II вв. до н. э.

В Армавире встречаются также изделия из камня — ступка, зернотерки, чаши, вазы и пр. Чаны и большие чаши из базальта, обычное явление в урартское время, встречаются и позднее. Зернотерки из базальта в Армении встречаются начиная с IV тысячелетия и, претерпев

²⁸ См. статью Mehdi Bahrani (*Artibus Asiae* XI, 1948, стр. 22, рис. 6).

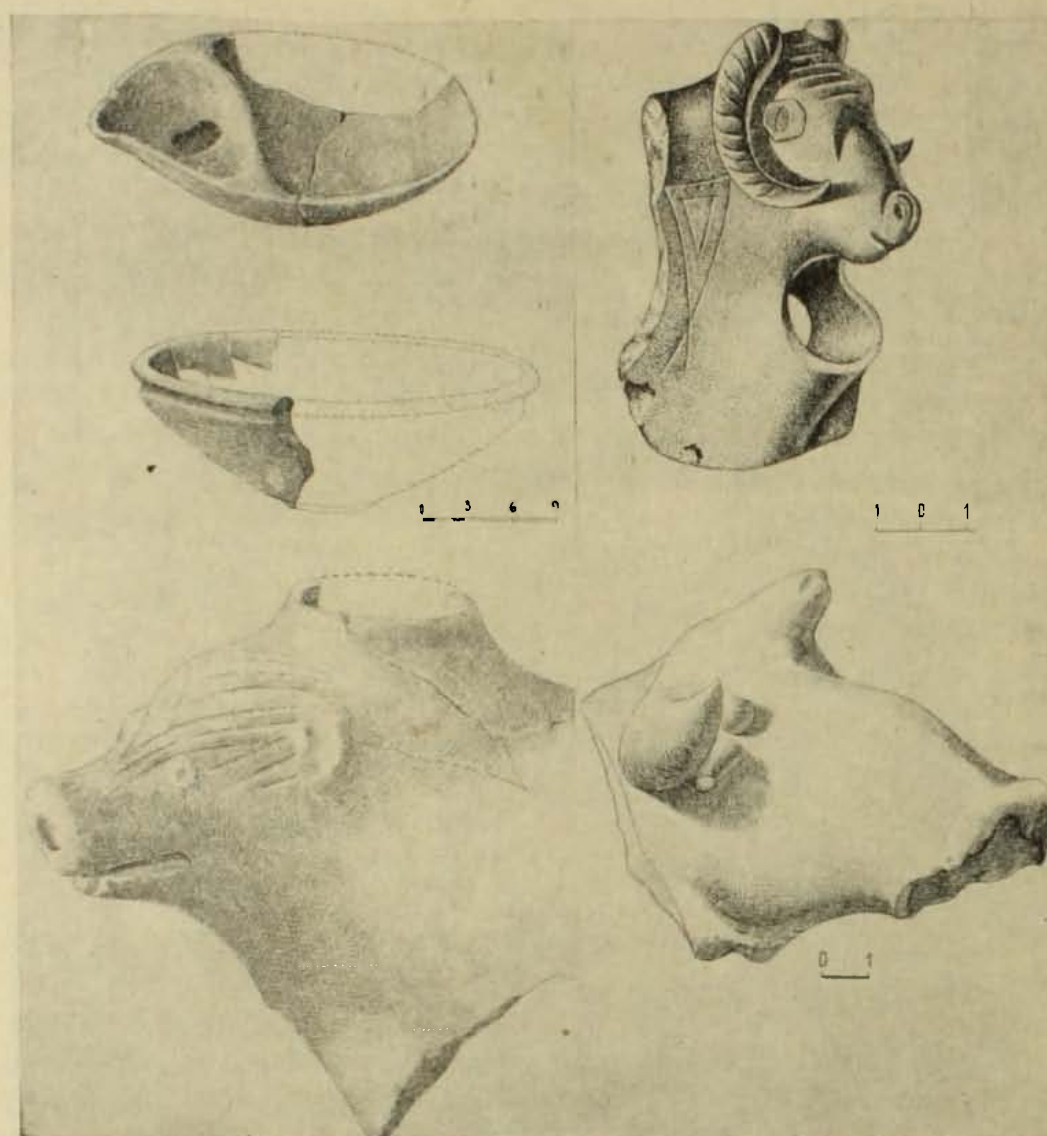

Рис. 11, 12, 13, 14.

некоторое видоизменение в форме, доживают до эллинистического времени. Однако, именно в этот период, в III—I вв., происходит важное изменение: на верхних камнях зернотерок делается продольный выем для скрепления рычага, с помощью которого теперь они двигаются влево и вправо. Для повышения производительности увеличивают их размеры, получают прямоугольную форму с закругленными углами, в их середине проделывается отверстие, откуда подается зерно. Затем рычаг заменяется косой ручкой, позволяющей вращать верхний камень до $2/3$ оборота, при этом верхний камень надевается на металлическую ось, скрепленную в середине нижнего камня. Передача ручке вертикального положения позволяла вращать верхний камень вокруг оси. При раскопках Армавира и Гарни найдены верхние камни всех переходных этапов, позволяющие проследить процесс превращения простой зернотерки в жернов, вращающийся вокруг своей оси.

Мы сочли необходимым подробно остановиться на возникновении жернова потому, что с ним связано (вернее, за ним последовало) и появление водяной мельницы. При раскопках урартских памятников, переставших существовать после падения Урарту, не встречаются не только жернова, но и верхние камни зернотерок с выемом для рычага. Отсюда следует, что жернова появились позже, а положение о том, что в эпоху Урарту существовали водяные мельницы, лишено всякого основания.

Из камня (из порфира, змеевика, конгломерата) изготовлялись также вазы на высокой ножке, напоминающие форму глиняных ваз, известных еще у ассирийцев, хетов и других народов Передней Азии. Множество высокохудожественных каменных ваз обнаружено при раскопках столицы Ахеменидов Персеполя²⁹.

В Армавире найдены ножки и фрагменты от бортов упомянутых ваз, а цельная ваза V в. найдена в Гехадире³⁰ (около Гарни) и в Карабахе. Изучение найденных ваз и их фрагментов позволяет утверждать, что они бытовали с раннеармянского (ахеменидского) времени вплоть до конца эллинистической эпохи. При этом они претерпели значительное видоизменение: вазы с высокими, почти вертикальными боками уступили место неглубоким вазам, борты которых получают различное оформление (в частности, широкие отвороты), а вся поверхность ваз полируется весьма тщательно.

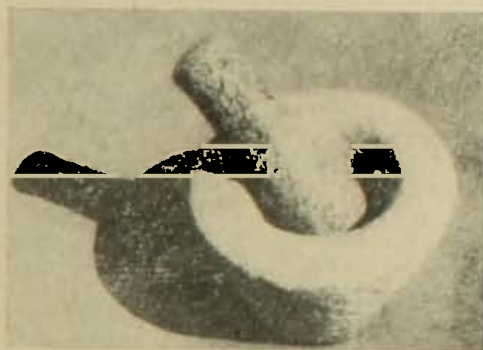

Рис. 15.

Найдена также небольшая ступка с пестиком из отполированного гранодиорита (рис. 15).

При раскопках Армавира металлические предметы обнаружены в ограниченном количестве. Это — характерные для VI—I вв. орудия труда, оружие и украшения. В числе орудий труда имеются топоры и тесла, орудие виноградаря, лемех от сохи, относящийся к эллинистической эпохе. Найден железный лемех от сохи оригинальной формы, его общая высота 26 см, нижняя часть напоминает лопату, а в верхней части между рукавами сделаны широкие и глубокие пазы для надевания на деревянную часть сохи (рис. 16). Оружие представлено наконечниками стрел: в их числе два экземпляра бронзовых стрел «скифского типа» (рис. 17, первый слева), остальные наконечники — железные и относятся к местным образцам двуперых, трехперых, четырехгранных и круглых наконечников стрел VI—I вв. до н. э. Найдены также наконечники копий и дротиков (рис. 17), кинжалы, отличающиеся от урартских акинаков, ножи с деревянными и костяными рукоятками и пр.

²⁹ E. F. Schmidt. Persepolis II, Chicago, 1957, табл. 50, 51, 52, 57—59 и др.

³⁰ Ж. Д. Хачатрян. Археологические находки из Гехадира, «Вестник общ. наук», 1966, № 1 (на арм. яз.), стр. 84—86.

В цитадели города была найдена большая часть железного колеса боевой колесницы (рис. 18). Колесо обнаружено в слое, богатом образцами расписной керамики эллинистической эпохи, которые и определяют его возраст. Оно имело, вероятно, восемь спиц и двойной железный массивный ободок, который обхватывал деревянную часть; спицы сочетали железо с деревом, а на месте соединения с наружным кругом колеса образовывали массивный сегмент, обхватывающий деревянную часть со всех сторон и соединяющийся с ней и с железными ободками толстыми железными болтами, концы которых выступали на наружной поверхности ободка.

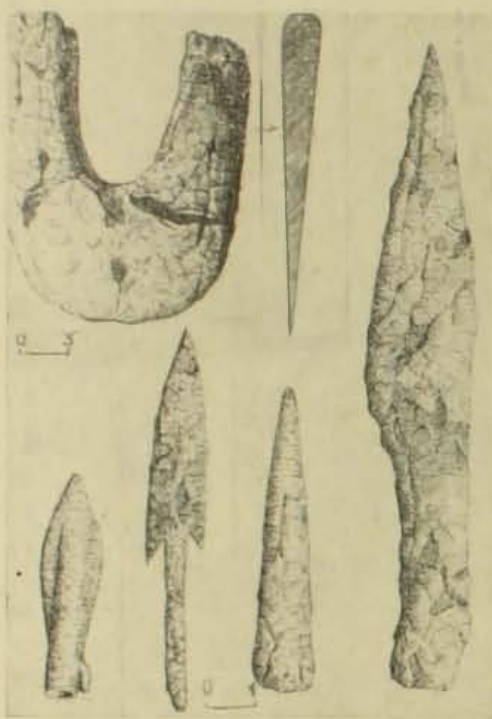

Рис. 16, 17.

Найдены и другие металлические предметы: бляхи, части серебряной чаши, пряжки, а также глиняные и каменные навершия веретен, различные бусы из камня и пасты и другие предметы из металлов, камня, глины, кости и пр.

Следует указать, что все находки, за редким исключением, местного происхождения. Имеются только отдельные предметы (фрагмент чернолаковой греческой керамики, чаша и кубок, вероятно, малоазийского происхождения и др.), которые привезены извне.

Раскопки древнего Армавира оказались успешными, несмотря на то, что город был заброшен еще в древности. Открыты остатки оборонительной системы цитадели города урартской и эллинистической эпохи с характерными для них особенностями строительной техники; выявлены фундаменты и детали монументальных зданий, украшенных деревянными колоннами; добыт богатый археологический материал, относящийся последовательно ко всем периодам, начиная от расцвета урартской культуры VIII в. и до I в. до н. э.

Подробное изучение результатов раскопок Армавира, несомненно, прольет свет на ряд важных и малоисследованных вопросов истории и

Рис. 18.

культуры древней Армении, но некоторые предварительные выводы можно сделать и сейчас.

Материальная культура древней Армении еще в VI—IV вв. до н. э. находилась на довольно высоком уровне развития. Она своими корнями уходила в глубь веков и являлась последующим этапом развития культуры Армянского нагорья, когда направляется в единое русло развитие локальных культур армянских и иноязычных племен, сливавшихся в образовавшемся в этот период армянском народе.

Армавирские раскопки показывают, что в формировании раннеармянской (этнически общеармянской) культуры VI—IV вв. урартское культурное наследие сыграло гораздо большую роль и имело большее значение, чем обычно представляется. На почве Армавира это отчасти объясняется, возможно, и тем обстоятельством, что после падения урартского государства не оборвалась жизнь и последовательное развитие культуры бывшего урартского города.

Культура Армянского нагорья издревле имела тесные контакты с древневосточной цивилизацией, составной частью которой была и урартская культура. Вследствие этого Урарту исторически являлось тем звеном, которое непосредственно связывало культуру армянских племен и формирующегося армянского народа с культурой древнего Востока.

В VI—IV вв., в завершающий период образования армянского народа и формирования раннеармянской (этнически общеармянской) культуры, Армения находилась в составе державы Ахеменидов и испытывала влияние ахеменидской культуры, которая в известной мере нивелировала культуры всех народов (в частности, культуры господствующих верхушек) в пределах ахеменидской державы. Некоторые «ахеменидские» черты в материальной культуре Армении наблюдаются в Армавире, особенно в Эребуни на ряде памятников.

Дальнейшее углубление классовой поляризации и обострение социальных противоречий в армянском обществе усиливают процесс социального раздвоения армянской культуры на культуру народных масс и культуру господствующей верхушки. Одновременно расширяются экономические, политические и культурные контакты армянского народа с народами соседних стран, в частности с Ираном и Малой Азией. Вследствие указанных процессов армянская культура, с одной стороны, приобретает этнически общие черты, а с другой — становится многограннее и богаче. Вследствие всего этого переход к эллинизму, этому новому, более высокому периоду развития армянской культуры, был в какой-то мере подготовлен еще в VI—IV вв.

В эллинистическую эпоху армянский народ усваивает некоторые технические достижения в строительном деле, градостроительстве, ремесленном производстве. Город становится крупным хозяйственным и культурным центром, впитывающим новые культурные веяния, идущие из соседних эллинистических стран; применяются греческие и арамейские письмена, происходит проникновение эллинистических начал в культуру и искусство, в идеологические и культовые представления армян-

ского народа, в пантеон местных божеств. Именно город был тем горнилом, где сливались местные и идущие извне начала культурного развития, где ряд отраслей местной культуры постепенно приобретает эллинистический облик, и в древнеармянской культуре формируется эллинистическое направление, соответствующее идеологии, культурным потребностям и вкусу городского населения и господствующей верхушки общества. В этот новый период (III—I вв. до н. э.) древневосточные черты в армянской культуре уступают место эллинистическим, и армянская культура поднимается на новую, более высокую ступень развития, становясь богаче и многограннее.

Раскопки Армавира, несомненно, и в дальнейшем выявят новые памятники, и тщательное изучение накопленного фактического материала позволит уточнить наши представления о характере и ходе развития культуры древней Армении в VI—I вв., более конкретно установить ее контакты с культурами окружающего мира и осветить ряд важных вопросов истории культуры древней Армении и Ближнего Востока.

**ՀԻՆ ԱՐՄԱՎԻՐԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ
ՄԻ ՔԱՆԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ**

ՀՍՍՀ ԳԱ քղթակից-անդամ Բ. Ն. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հին Հայաստանի առաջին մայրաքաղաք Արմավիրը առաջացել է ուրարտական Արգիշտիիսինիլի քաղաքի տեղում, ծաղկել է III—II դդ. մ. թ. ա.. նույն II դարում մայրաքաղաքի դերը զիջել է հայկական միացյալ պետության նոր մայրաքաղաք Արտաշատին:

Արմավիրի պեղումները ձեռնարկված են լրացնելու համար Հայաստանի հնագիտական ուսումնասիրության մեջ նկատվող այն խոշոր բացը, որը լերաբերում է VI—I դարերին: Պեղումների շնորհիվ բացվել են քաղաքի միջնաբերդի պարիսպների հիմքերը շուրջ 500 մ երկարությամբ և 39 կիսաաշտարակներով (կոնտրֆորս), տնտեսական և բնակելի խոշոր շենքերի մնացորդներ, դարբնոց և այլ շինություններ: Պարզված է, որ Արմավիրը, իբրև քաղաքային կենտրոն, պահպանել է իր դոյությունը նաև Ուրարտուի անկումից հետո և ուրարտական ժամանակաշրջանի պարիսպն ու կառուցվածքները օգտագործվել են նաև հետագայում՝ կրելով համապատասխան փոփոխություններ:

Արմավիրի պեղումներով հայտնաբերված նյութերը մեծ նշանակություն ունեն մ. թ. ա. VI—I դդ. հայ մշակույթի ուսումնասիրության համար: Նրանք օգնում են բացահայտելու հին հայկական մշակույթի պատկերն ու առանձնահատկությունները, նրա կապերը հարևան երկրների մշակույթների հետ: Որոշակի երևում է, որ ուրարտական մշակութային ժառանգությունը զգալի դեր է կատարել VI—IV դդ. վաղ հայկական մշակույթի ձևավորման մեջ: